

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ В СЕЛЬСКОМ ЖИЛИЩНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В 30-50-Е ГОДЫ XX СТОЛЕТИЯ

Т.К. Щеглова

XX век останется в истории России периодом завершения нравственной и духовной переориентации общества, временем потрясений и жесточайших событий. Эпохальные события XX столетия - мировые войны, революции и гражданская война, насильственное переустройство деревни в 30-е годы ухудшали положение народа, ставили его в экстремальные условия выживания. Современным исследователям народной культуры и этноисторической психологии предоставляется уникальная возможность зафиксировать и исследовать степень бытования и использования народных традиций в экстремальных условиях, значение народной культуры и русского национального характера в российской истории. Подобная проблема уже поставлена как отечественными учеными, так и зарубежными историками [1].

Л.В. Милов, характеризуя «парадоксы русской истории», обусловленные природно-климатическими условиями и земледельческим характером производства, называет ряд этнических черт, которые помогали выжить в периоды эпохальных и разрушительных событий разных эпох, в том числе их можно перенести и на историю XX столетия. Одна из таких черт связана с традиционностью русского человека, с его приверженностью к утилитарно-сакральным привычкам. Формированию «традиционализма и укоренению привычек», по мнению исследователя, способствовал «экстенсивный характер земледелия, его рискованность», которые выработали в русском человеке, с одной стороны, легкость к перемещению мест, извечную тягу к «подрайской земле», «к беловодью», чему обязана Россия ее огромной территорией, а с другой стороны, способствовали сохранению традиций, как способу выживания на новом месте. Вторая этническая черта, особенно проявившаяся на крутых исторических поворотах XX столетия, связана со «способностью русского человека к крайнему напряжению сил, концентрации на сравнительно протяженный период времени всей своей физической и духовной потенции» [2]. Самостоятельную роль играли сакральные аспекты народной культуры, язычество и православие, но это тема для отдельного исследования. В целом же слитность в народной культуре рациональных производственных действий, духовного опыта и характера народа помогали в трудные периоды.

В данной статье рассматривается ряд вопросов. Во-первых, использование народных традиций в сельской архитектуре в 30-50-е годы, в том числе востребованность жилищного, строительного и бытового опыта народа в периоды наибольшего ухудшения положения крестьянского насе-

ления, как основного хранителя и носителя традиций. Во-вторых, культурное взаимодействие в процессе выживания традиций этнических и этнографических групп. Ухудшение материального положения коснулось в равной степени как старожилов Алтая, имевших устойчивые строительные срубные традиции (раскулаченные, репрессированные, фронтовики, одинокие солдаты), так и массовых депортантов 40-50-х годов (немцы, молдаване, украинцы, калмыки и т.д.) и более ранних вынужденных переселенцев, бежавших на Алтай от голода в 20-30-е годы с Украины, Поволжья, Юга, закреплявших южнорусские степные традиции. Исследование ограничивается вопросами состава (типа) жилого комплекса, материала и конструкции жилых построек, функционального использования отдельных помещений и построек в алтайской деревне 30-50-х годов.

В жилищном строительстве 30-50-х годов наблюдался двоякий процесс. С одной стороны, происходили огромные изменения в результате усовершенствования строительной техники и новых строительных материалов, развития поточного колхозно-совхозного строительства, негативной политики государства в отношении индивидуального строительства и частной собственности. С другой стороны, проходило дальнейшее развитие традиций и корректировка их новыми социально-экономическими и политическими условиями, в частности, в сторону уменьшения размеров жилища, переходу от массивных крестовых домов к более древним, малым по размерам однокамерным и двухкамерным избам, ухудшение строительного материала. В целом эти тенденции отражали ухудшение материального положения крестьянства и сужение возможностей индивидуального строительства. Эти же условия стимулировали обращение алтайской деревни в советское время к опыту крестьян по подбору и экономии строительного материала, использованию архаичных способов и приемов строительства, особенно выселяемыми из сел раскулаченными крестьянами при основании отделений колхозов в период коллективизации, одинокими солдатами и фронтовиками в 1941-50-е годы.

Срубное строительство с преобладающими на Алтае севернорусскими традициями в планировке и строительстве в 30-50-х годах широко использовалось старожилами-сибиряками. В индивидуальном строительстве стремились использовать хвойный лес, по возможности комбинированно: нижние (3-4) венца наземного сруба, потолочные и половые плахи, тес, а также ряды подклета

(при его наличии) - из лиственницы; остальные венцы сруба, стропила, подстропила, внутренние перегородки - из сосны. Ограничение возможностей индивидуального подбора и заготовки леса привело к вторичному использованию леса, особенно лиственницы из старых (кулацких) домов и хозяйственных построек, в первую очередь амбаров, которые в результате перехода от единоличного хозяйствования к коллективному потеряли свое значение. На Алтае повсеместно встречаются избные и пятистенные лиственничные дома с двухскатной самцовой конструкцией крыши, перестроенные из амбара, сохранившие размеры и отдельные элементы народного зодчества: самцы, помочи, высокую постановку сруба на лиственничных чурках (фото 1).

Фото 1. Жилой дом с самцовой конструкцией крыши - «по- амбарному», с. Куяча Алтайского р-она. Фото автора, 1994 г.

Обычно в перестроенных жилых вариантах использован однокамерный тип амбара, реже двухкамерный (фото 2). При этом из амбарного сруба выбрасывались внутренние перегородки сусеков и закрома. Общая прямоугольная площадь делилась поперек внутренней стеной на две комнаты. В наружных стенах прорубались оконные проемы (обычно на южном и западном фасадах),

Фото 2. Дом перестроен в 30-е годы из перевезенного амбара. Имеет классические размеры 3,5x5,0 м., с. Усть-Калманка. Фото автора, 1995 г.

закладывался входной проем на длинной стороне и переносился на торцевую сторону, на половину избы (которая чаще устраивалась с подветренной восточной стороны), выкладывалась печь. Причинами перестройки амбара в жилое помещение являлись:

1. Стихийное бедствие. Для деревни самыми страшными и частыми были пожары. А.В. Рохлина (1912 г.р.) - хозяйка жилого амбара в с. Смоленском рассказывала: «Весной 1928 года начался пожар с утра. Ветер был сильный. Головешку перекинет через три дома и вся улица горела. Три улицы выгорело... коровы спаслись - ушли к реке. Отец двух или трех коров выменял на амбар. Привез. Отец так в этом доме-амбаре и помер. Когда свет проводили - начали провода привинчивать - так не смогли - лиственница. А позже, с ветреной стороны, саманку прилепили. Внутри печь из глины сбили.»

2. Раскулачивание. Та часть крестьян, которая не подвергалась ссылке, а выселению из «кулацких» домов, селилась на окраинах села, на бывших заимках, хуторах. Раскулаченные крестьяне часто называли причину выселения - «из-за дома». М.П. Калюжная (1917 г.р.) из с. Староалейского рассказывала, что кулачили свои же активисты, которые «знали, что мы не кулаки, а им наш дом нужен был. У всех-то избы были. У нас дом. Они же сами и сказали: «Ермолай уезжай. Мы вас раскулачим из-за дома». А так как чаще раскулаченными были более состоятельные и хозяйственные старожилы, то на новом месте они по традиции стремились ставить срубные дома. Поэтому на первых порах они рыли землянки или ставили дерновые дома и старались обзавестись срубным материалом, для этого приобретали амбары и лишь в безысходных ситуациях использовали другие материалы. Жилые амбары в наши дни особенно широко встречаются в лесостепных, предгорных и горных районах Алтайского края, таких как Третьяковский, Смоленский, Усть-Калманский, Алтайский, Тальменский, Павловский и другие районы.

При отсутствии сосны и лиственницы старожилы использовали пихту. Чаще дома 40-50-х годов из пихты собраны из нестандартного мелкого леса (12-20 см в диаметре) (фото 3), реже крайне крупного (более 50 см) ошкуренного леса, без традиционного для старожилков обтесывания леса «под скобу» для уравнивания диаметров комли и вершины. Для сохранения равной высоты стен нестандартный лес укладывался в шахматном порядке толстого и более тонкого конца в местах врубки. В случаях самостоятельной заготовки леса, старожилы использовали опыт отцов по трехлетнему циклу заготовки леса. А.Д. Кугрушев, строивший дом с отцом в Усть-Калманке в 1953-1954 гг. рассказывал: «Заготовили сосновый кругляк в сосновом бору около Чеканихи (леспромхоз Усть-Пристанского района). Отец сам спилил лес с корня, стрелевал. В один

Фото 3. Пятистенный дом с прирубом и подклетом. Рублен из мелкой пихты «в обло» в 40-е годы фронтовиком-кустарем (печником и плотником) Ф. Шаковым, с. Верх-Слюденка Усть-Калманского р-она. Фото автора, 1995 г.

год мы срубили сруб без крыши, чтобы лес проветрился, просох. Он зимовал. А так он запрет. Второе лето стали на мох складывать. Собрали сруб, под крышу подвели, но не жили. А на третье лето оштукатурили, побелили, тесом покрыли. И к осени зашли в дом».

В жилищном строительстве 30-50-х годов наблюдается упрощение строительной технологии, использование архаичных приемов строительства в целях экономии материала, времени, сил. Появилось и «обезмужичивание» деревни в период раскулачивания и войны. Это проявилось в широком использовании древнего способа рубки и крепления бревен в венце способом в «обло» с глубоким остатком. Редко встречается врубка «в крюк» или в «лапу», которые обеспечивали жесткость врубки и примыкание бревен. Это снижало качество и срок службы постройки. Многие постройки 30-50-х годов оказались менее прочные, чем подобные дома конца XIX столетия. К традиционным приемам относится и практика безфундаментной постановки сруба: в Бийской зоне преобладала установка сруба на лиственничные комли по углам и в местах пересечения внешних стен и внутренних перегородок, в Барнаульской зоне - на каменные «табуреты» из крупного бугового камня. Использовались традиционные утеплители: мхом (стенным или лесным) пробивали сруб, семенной шелухой и землей засыпали потолочное перекрытие. Подобные традиции позволили крестьянам пережить период переустройства деревенской жизни и разорения в годы войны.

Эти же причины привели к использованию древнего земляного типа дома - «землянухи». Встречаемые современные земляные и полужемляные типы хозяйственных построек и единичные случаи жилых (с. Вяткино, Усть-Пристанский район) имеют выраженный архаичный характер, известный по археологическим исследованиям славянских и древнерусских жилищ Восточной Европы [3]. Практический опыт строи-

тельства земляного дома и «дома из дерна» сохранился у старожилов благодаря использованию их технологии в постройках теплых хозяйственных помещений - «овчарух» и «поросятников» на зимках и на деревенских усадьбах до середины XX столетия. В Смоленском районе, по рассказам старожилов, «для овец была землянуха. В земле копали, сверху чащи, палки. Сверху земля». Из бытовых помещений к типу полужемлянок относились бани. В Усть-Калманке обычно «дом стоял на бугорке, а к речке низина идет. Вот под горкой и баня стояла. Она наполовину в землю вкопана (одна стена уходила в косогор). Сама баня была рубленная из лиственницы (лиственничная), крепкая, крыта плахами и сверху земля накидана» (Е.И. Кузьмин, 1912 г.р.). Этот опыт пригодился в 30-е годы, когда часть раскулаченных была выселена в голое поле. Широко его использовали одинокие женщины.

Техника строительства была первобытная: «На лугу крепкую целину резали лопатами (в других случаях плугом). Не телегах возили. Пласты клали друг на друга. Связывали, чтобы не развалились: один вдоль, другой поперек. Потом клали на дерн матку. Потом «сволочки» - жерди, потом чашу, сверху сено. Чтобы не сыпалось - мазали глиной с соломой. И стены мазали кругом снутри и снаружи. Крышу землей закидывали». (Е.И. Дмух, 1907 г.р.). Иногда дернование сопровождалось плетением каркаса: «навозила чашу» сплела плетень, с избы заштукатурила,

Фото 4. Плетеный хоздвор, заштукатурен глиной с соломой. с. Усть-Калманка. Фото автора. 1995 г.

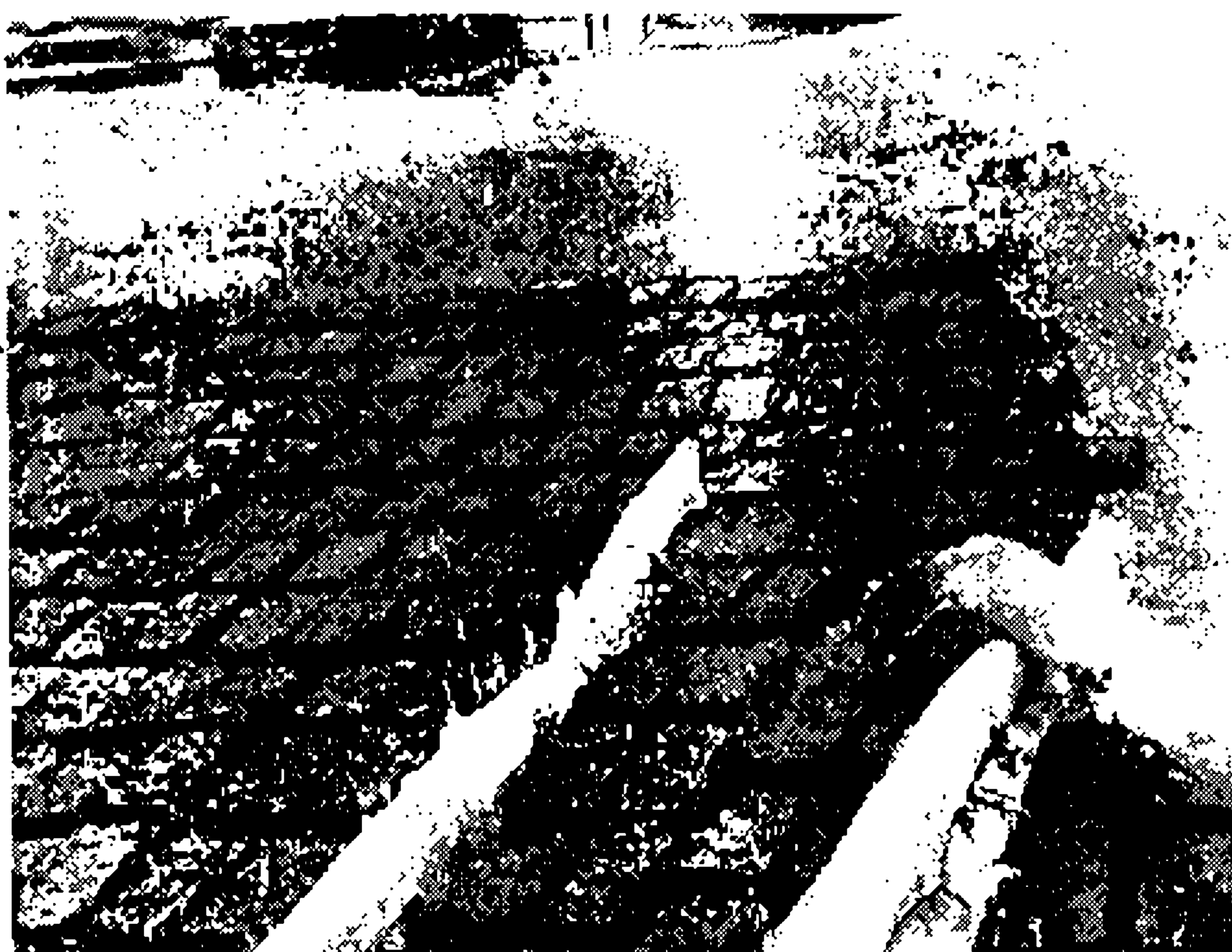

Фото 5. Изготовление кизяка, с. Алтайское.
Фото автора, 1994 г.

снаружи дерном обложила» (М. К. Останина, 1914 г.р.). Ныне способ дернования также встречается редко и используется при строительстве полуземляных помещений для скота: две трети помещения вдавливается в землю, обшивается плахами. Верхняя рубленая или дощатая часть выступает над землей, имеет один скат и присыпается землей (предгорная зона).

Наконец, именно 30-50-е годы закрепили в архитектуре старожилов ряд степных, южнорусских хозяйственно-культурных традиций, в частности, замену дерева глиной, широкое использование штукатурки, замену кровельного тесового материала соломенным и т.п., известных старожилам по переселениям на Алтай в конце XIX века, но не получивших распространение среди них. И лишь под давлением обстоятельств и обнищания старожилы стали использовать опыт «лития домов» с традиционными для южнорусской культурной зоны материалами: глины, соломы, камыша, чанчи и технологий: каркасная, саманная, литая, вальцовая (фото 4, 5).

Этому способствовала депортация на Алтай немцев, украинцев, болгар и т.д. При каркасном строительстве использовали нестроевой лес: осину, березу, иву, которые в строительной практике старожилов не использовались, так как их опыт говорил, что «береза не практичная», а осина – «слабое дерево, быстро поддается загниванию». Из нестроевого леса «плели плетенку в два ряда, стягивали проволокой, чтобы не разошлись, засыпали чернозем. Потом красной глиной с соломой обмазывали снаружи, изнутри и потолок. В случае нужды и сверху плетень ложили... также оборудовали печь: огорожила предпечек, наставила лесины, загнула как дуги, потом глиной дуги лепила. Печку слепила, обчистила, обмазала хорошо. Печка высохла, затопила, дуги сгорели. А печка вытвердела (фото 4).

При литой технике строительства, принесенной болгарскими и немцами в годы войны: «плахами двойные стены сделают и заливали глиной с соломой». Известная на Алтае «литая» конструк-

ция с XIX в., по немецким и украинским поселениям степной кулундинской зоны, после войны распространилась в предгорный Алтай. Однако в отдельных регионах большее распространение получили саманные дома, которые появились на Алтае с первыми партиями раскулаченных крестьян с Украины в 30-е годы. Сейчас саманные дома 40-50-х годов встречаются как в старожильческих селах, так и переселенческих. Старожилы, обычно вдовы солдатки, учились у «хохлушек»: «выкапывали яму до слоя глины. Сбрасывали туда глину, наливали воды. Кони топтали, а мы верхом. Когда кони стончат – бросали мелкую солому, опять лошади топтали. Смесь накладывали в станки. Саман получался большой и тяжелый. Сохнет лежа, потом ставят на ребро в ряд. Высохнет – собирали помочь. Клади ряд самана, смазывали глиной с соломой. Второй ряд сверху. В середине делали перегородку для кухни и зала. Потом клали матку, доски и штукатурили. Редко делали стропила». (П. Н. Коверзина, 1921 г.р.).

При такой технике строительства преимущественным кровельным материалом являлись солома и камыш. Преобладала укладка соломы способом «внатруску»: «Солому начинаешь прямо изпод низу класть. Кладешь ее широко толсто. Ходишь по ней. И кроешь, кроешь, угантываешь кругом.» Такой кровли, ныне изредка не используется лишь на хозяйственных постройках при крайней нужде, т.к. «солома быстро загнивает. Она плотно не ложится, шероховато, ямочки получаются. Дождь попадает. Одно, два лета

Фото 6. Фрагмент камышовой кровли. с. Коробейниково
Усть-Калманского р-она. Фото автора, 1997 г.

и начинает гнить». Камышовые крыши служили дольше – 4-5 лет (фото 6).

В степных и лесостепных районах камыш заготавливали на озерах в августе, когда он выцветает, созреет, затвердеет дудка: «Туго стягивали маленькие пучки, обрезали головки, оставляли дудки и листья. Пучки плотно укладывали в один ряд. Второй ряд клали так, чтобы пучок второго ряда ложился между двумя пучками первого ряда, чтобы не заливался дождь. Все между собой стягивали и сильно притягивали проволокой и жердями к обрешетке. Его тогда ни ветром, ни дождем не пробивает». Сверху камышовые и соломенные крыши заливались глиной. Сейчас ка-

мыш используется лишь в степной зоне немецкого района, где из него строят каркас помещения и «заливают» черноземом, шлаком.

Однако несомненные преимущества срубных домов привели к тому, что переселенческие традиции в чистом виде в наши дни почти не используются и сохранились только в хозяйственных постройках, банях, плетнях (фото 4, 7). Но переселенческая культура наложила отпечаток на срубную архитектуру, прежде всего использованием нетрадиционных для старожилов способов отделки внутренних и наружных стен - штукатурка и побелка.

В целом можно сделать вывод о широком использовании населением элементов народного зодчества в 30-50-е годы. При этом происходило смешение навыков и умений разных этнокультурных групп: старожилов, переселенцев, великороссов, украинцев, немцев. В сложных политических и экономических условиях произошла мобилизация накопленных разными народами

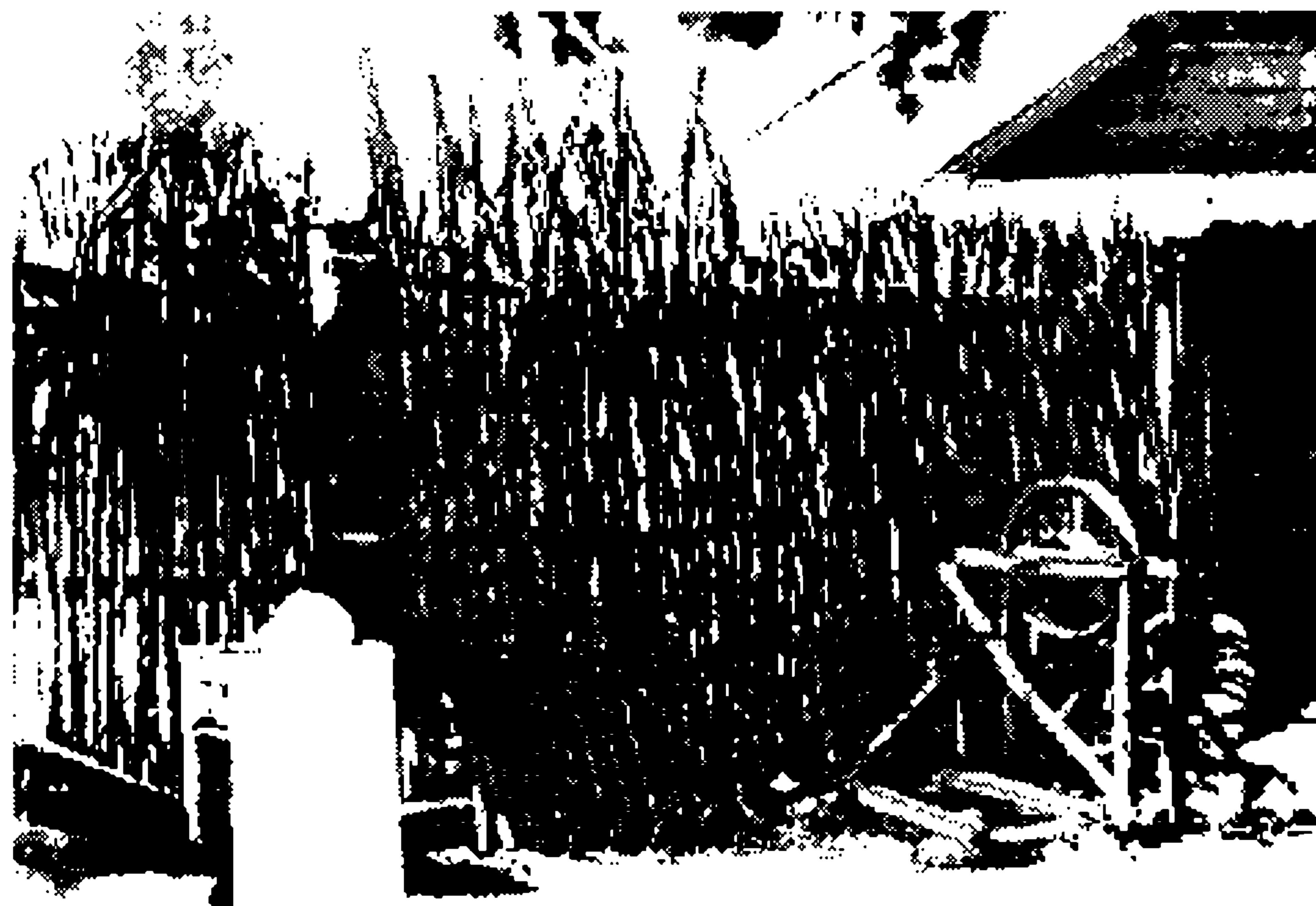

Фото 7. Плетень. с.Красноярка Усть-Пристанского р-она.
Фото К.Григоричева, 1997 г.

хозяйственно-культурных традиций. Сельская архитектура в рассматриваемый период отличалась интенсивным процессом взаимодействия наиболее доступных и апробированных временем строительных приемов и технологий.

1. Пайпс Р. Россия при старом режиме (социально-психологическое видение сословий). М., 1993; Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4-5. С. 37-56; Милов Л.В. О российском типе генезиса капитализма // Новая и новейшая история 1987. № 2.
2. Милов Л.В. Природно-климатический... С. 53.
3. Раппопорт П.А. Древнерусское жилище // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 104.
4. Используются записи интервьюирования автором в полевых исследованиях А.В. Рохлиной, 1912 г.р., с. Смоленское; М.П. Калюжной, 1917 г.р., с. Староалейское; Е.И. Дмух, 1907 г.р., с. Староалейское; А.Д. Кутрушева, 1947 г.р., с. Усть-Калманка; Е.Н. Кузьмина, 1912 г.р., с. Усть-Калманка; Тырышкина С.И., 1913 г.р., с. Ново-Тырышкино; А.Ф. Елясовой, 1918 г.р., с. Смоленское; М.С. Нисина, с. Староалейское; М.К. Останина, 1914 г.р., с. Усть-Калманка; П.Н. Каверзиной, 1921 г.р., с. Староалейское.

ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ПРИГРАНИЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ РОССИИ С ПРОВИНЦИЕЙ СИНЬЦЗЯН

В.А. Бармин

Торгово-экономические отношения России и китайской провинции Синьцзян имеют давнюю и богатую историю. Собственно экономические связи России с народами, проживавшими на территории Джунгарского ханства и Уйгурстана, получившей после завоевания Китаем в XVIII веке название Синьцзян (Новая территория-*кит.*), существовали задолго до прихода сюда китайцев. И фактическое присоединение этой крупнейшей области Центральной Азии к китайской империи не только не разрушило сложившихся связей, но и в известной степени, стимулировало их. С первых дней завоевания Синьцзян стал для Китая источником всевозможных проблем, причем некоторые из них не решены до настоящего времени. Удаленная от центра страны почти на четыре тысячи километров труднопреодолимого пространства, населенная народами, чуждыми ханьской монокультуре и в

то же время тяготеющими к этнически родственным единоверцам, проживающим в приграничных областях России, новая китайская провинция в силу объективных обстоятельств оказалась в зоне российского экономического влияния. Уже в XIX веке на территории провинции проживало «более десяти неханьских национальностей: уйгуры, казахи, киргизы, татары, узбеки, таджики, монголы, сибо, маньчжуры, солоны, дунгане, русские» [1]. Большинство из этих этносов проживало в приграничных областях России. При этом между ними сохранялись родственные и тесные торгово-экономические связи. Вывоз производимой в Синьцзяне продукции и сырья в центральные районы Китая был возможен только верблюжьими караванами, причем дорога занимала от 9 до 12 месяцев. Это, с одной стороны, делало торговые операции малорентабельными, а с другой - исключало